

И. С. ЛУКАШ

Иван Созонтович Лукаш

Царевич

Серия «Со старинной полки»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2465285*

Аннотация

«...Командир лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка генерал Раух поздравлял на другой день государя с рождением наследника и осведомился, какое имя будет дано ему при крещении.

– Императрица и я решили дать ему имя Алексея. Надо же нарушить линию Александров и Николаев...

До семи лет при царевиче была русская нянька Марья Ивановна Вишнякова, а позже дядькой к нему был приставлен боцман «Полярной звезды» Деревенко...»

Иван Созонтович Лукаш

Царевич

Во гневе своем дам вам царя.

На заре погибнет царь Израилев.

Книга пророка Осии

«Я был дежурным по собственному Его Императорского Величества конвою. Чаше обычного входили ко мне в тот день с докладом казаки. Вдруг грянула пушка. Вошедший казак замер на полуслове доклада, а я громким голосом начал отсчитывать пушечные удары.

Казак, забывши о дисциплине, стал так же громко считать со мною выстрелы. Прогремело с петропавловских верков¹, «двадцать один» – сосчитали мы, и ожидание показалось нам бесконечным.

Но грянула пушка, и казак крикнул:

– Двадцать два...

30 июля 1904 года Бог даровал России цесаревича».

Командир лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка генерал Раух поздравлял на другой день государя с рождением наследника и осведомился, какое имя будет дано ему при крещении.

– Императрица и я решили дать ему имя Алексея. Надо

¹ *Верки* – отдельные части воинских укреплений: составные части крепости.

же нарушить линию Александров и Николаев...

До семи лет при царевице была русская нянька Марья Ивановна Вишнякова, а позже дядькой к нему был приставлен боцман «Полярной звезды» Деревенко с помощниками, матросами яхты «Штандарт» Климентием Григорьевичем Нагорным и Иваном Дмитриевичем Седневым.

Государыня звала сына Солнечным Лучом, Крошкой, Беби, Агунюшкой. Государь в своем дневнике называет его «наше маленькое сокровище».

«Родители и няня его Марья Вишнякова в раннем детстве его очень баловали, – вспоминает А. А. Танеева, – и это понятно, так как видеть постоянные страдания маленького было очень тяжело: ударится ли он головкой или рукой, сейчас же появляется огромная синяя опухоль от внутреннего кровоизлияния, причинявшего ему жестокие страдания».

Уже с первых недель государыня заметила, что ее сын унаследовал таинственную болезнь Гессенского дома, гемофилию. Жизнь мальчика ежечасно была под смертельным ударом.

Осенью 1912 года царевич, резкий и живой в мальчишеских играх, с разбегу прыгнул в лодку. Открылась болезнь. Его увезли в Спаду, туда были вызваны из Петербурга профессора. Мальчик очень страдал.

В 1913 году, в дни трехсотлетия Дома Романовых, больного царевича пронесли пред войсками на руках. «Его рука обнимала шею казака, было прозрачно-бледным его исху-

давшее лицо, а прекрасные глаза полны грусти...»

С 1913 года, в промежутках болезни, начались более или менее постоянные классные занятия царевича.

«Когда он был здоров, – вспоминает П. Жильяр, – дворец как бы перерождался: это был луч солнца, освещающий всех. Это был умный, живой, сердечный и отзывчивый ребенок».

– Когда я буду царем, не будет бедных и несчастных, я хочу, чтобы все были счастливы, – записывает С. Я. Офросимова слова мальчика в Крыму.

Там любимой пищей царевича были щи, каша и черный хлеб, «который едят все мои солдаты», как он говорил. Ему каждый день приносили пробу щей и каши из солдатской кухни Сводного полка. Цесаревич съедал все и еще облизывал ложку.

– Вот это вкусно, не то, что наш обед, – говорил он.

– Подари мне велосипед, – просил он мать.

– Алексей, ты же знаешь, что тебе нельзя.

– Я хочу учиться играть в теннис, как сестры.

– Ты знаешь, что ты не смеешь играть...

Л. А. Танеева, вспоминая такие разговоры, добавляет, что иногда царевич плакал, повторяя:

– Зачем я не такой, как все мальчишки...

1 октября 1915 года с государем в ставку уехал 11-летний наследник Российского престола, кадет 1-го кадетского корпуса, шеф л-гв. Атаманского, л-гв. Финляндского, 51-го пехотного Литовского, 12-го Восточно-Сибирского стрелково-

го полков, Ташкентского кадетского корпуса и атаман всех казачьих войск.

В Могилеве государь постоянно гулял с сыном и отдавал ему все свободные минуты. Мальчик несколько раз объезжал с ним фронт.

А в городском саду Могилева, куда П. Жильяр водил гулять своего воспитанника, тот очень скоро подружился со своими сверстниками, кадетами Макаровым и Агаевым. Друзьями его детства были и сыновья боцмана Деревенко.

В мае 1916 года цесаревич Алексей был произведен в ефрейторы.

Царевич становился юношей. С. Я. Офросимова видела его в 1916 году в Федоровском соборе:

«Собор залит сиянием бесчисленных свечей. Царевич стоит на царском возвышении. Он почти дорос до государя, стоящего с ним рядом. На бледное прекрасное лицо царевича льется сияние тихо горящих лампад. Большие удлинённые его глаза смотрят не детски скорбным взглядом...»

1917 год...

«В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения Моего за Себя и за Сына Моего от престола Российского, власть передана Временному правительству... Да поможет ему Бог вывести Россию по пути славы и благоденствия».

Поезд с арестованным государем следовал через Витебск,

Гатчину, Александровскую и по царской ветке прибыл в павильон Царского Села. Это было 9 марта 1917 года, в 11 часов 30 минут утра.

У ворот Александровского дворца собрались офицеры и взвод стрелков гвардейского запасного полка. Все были с красными бантами, а некоторые и с красными лентами через плечо.

Автомобиль с государем и Долгоруковым подошел к закрытым воротам, у которых был выставлен караул. Из кучки офицеров выступил дежурный прапорщик Веритт искомандовал часовым:

– Открыть ворота бывшему царю!

Ворота открылись, пропустили автомобиль и закрылись.

Уже 19 марта А. А. Танеева видела «матроса Деревенко, который сидел, развалясь, в креслах и приказывал царевичу подать ему то одно, то другое. Алексей Николаевич, с грустными и удивленными глазками, бегал, исполняя приказания». Боцман оказался большевиком и вором. Вскоре он покинул дворец.

Солдаты революционной охраны ходили по парку за наследником и великими княжнами, которые были острижены после коры. Солдаты увидели в руках царевича игрушечное ружье, модель русской винтовки. Они потребовали «обезоружить наследника». Царевич разрыдался и долго горевал по своей игрушке...

6 августа 1917 года императора с семьей перевезли в То-

больск. Здесь приходила заниматься с царевичем К. М. Битнер.

«Он был способный от природы, – вспоминает она, – но немного с ленцой. Если он хотел выучить что-либо, он говорил: «Погодите, я выучу». И если действительно выучивал, то это уже у него сидело крепко. Он не переносил лжи и не потерпел бы ее около себя, если бы взял власть когда-либо.

Я не знаю, думал ли он о власти. У меня был с ним разговор об этом. Я ему сказала:

– А если вы будете царствовать?

Он мне ответил:

– Нет, это кончено навсегда...»

Сохранилось письмо царевича из Тобольска от 22 января 1918 года:

«Сегодня 29 градусов мороза и сильный ветер и солнце... Есть у нас хороших несколько солдат, с ними я играю в караульном помещении в шашки... Нагорный спит со мною... Пора идти к завтраку. Целую и люблю. Храни тебя Бог».

На масленице 1918 года семью императора перевели на солдатский паек. По постановлению солдатского комитета разрушили на дворе ледяную гору детей.

30 марта царевич ушибся о лестницу и тяжело заболел припадком гемофилии. 1 апреля государя и государыню увезли в Екатеринбург.

– Поручаю вам Алексея, – прощаясь, сказала императрица Жильяру.

«Почти все в доме плачут, – отмечает он. – Отправляюсь к ребенку, который плачет в кровати...»

В тобольском доме появились новые комиссары, кронштадтский матрос кочегар Хохряков и бывший жандарм Радионов, оба из палачей чека, оба не верят страданиям мальчика. Матрос Нагорный весь день то носит мальчика на руках, то катает его на колесном кресле.

7 мая царевича с великими княжнами на пароходе «Русь» везут в Тюмень. Комиссар Радионов запирает цесаревича с Нагорным в каюту.

Климентий Григорьевич Нагорный бесстрашно заступается за мальчика и требует, чтобы каюту отворили.

8 Тюмени Жильяр в последний раз видел своего ученика и великих княжон под сильным конвоем, у вагона, на запасных путях в Екатеринбург:

«Вдруг перед моим окном прошел дядька царевича, матрос Нагорный. Он нес мальчика на руках...»

В Екатеринбурге, в Ипатьевском доме, царевич лежал в угловой комнате, где были заключены государь и государыня. Теперь сам государь выносил его на руках в сад.

Матрос яхты «Штандарт», верный до смерти Климентий Григорьевич Нагорный был в начале июня увезен из дома Ипатьева и расстрелян. Тогда же был увезен и расстрелян другой дядька царевича матрос яхты «Штандарт», верный до смерти Иван Дмитриевич Седнев.

Сын Седнева, маленький поваренок, оставался в Ипатьев-

ском доме до 16 июня. Его увели из дома и оставили с красноармейским караулом в доме Попова, что напротив. Мальчик весь день сидел у окна и плакал. Что случилось позже с маленьким Седневым – неизвестно...

Священник Сторожев служил 20 мая в Ипатьевском доме обедню и видел царевича Алексея:

«Он лежал в походной постели. Он был бледен до такой степени, что казался прозрачным, худ и удивил меня своим большим ростом. Он имел до крайности болезненный вид. Он был в белой рубашке и покрыт до пояса одеялом».

В постель больному мальчику клали доску для игр и занятий.

2 июня некая Стародумова, мывшая в Ипатьевском доме полы, видела царевича в столовой. Он был в кресле-качалке. С ним говорил Юровский.

В ночь с 16 на 17 июля одному из соседей Ипатьевского дома, Буйvidу, не спалось и после двух часов ночи он вышел на двор. Из дома Ипатьева он слышал глухие рваные залпы. Их было около 15-ти, а затем три или четыре отдельных выстрела...

Один из убийц, рабочий Павел Медведев, показал, что «после первых залпов наследник еще был жив, стонал. К нему подошел Юровский и два или три раза выстрелил в него в упор. Наследник затих».

Это и были те отдельные выстрелы, которые слышал Буйвид.

На окраине города, в глухом Васенцовом переулке, где жил один из красногвардейцев-охранников Ипатьевского дома, бывший каторжанин Летехин, отбывший каторгу за растление малолетней, нашли украденную собаку царевича Алексея, того самого Джоя, с которым мальчик делился когда-то солдатским черным хлебом у царских кухонь в Ливадии.

У каторжанина Летехина среди наворованных вещей отыскали и дневник царевича, небольшую книжку в твердом, обтянутом сиреневым муаром переплете с золотым тиснением.

Там есть такая царскосельская запись: «Сегодня приезжал Керенский. Я спрятался за дверь, и он, не замечая меня, прошел к папá».

Еще запись:

«Если будут убивать, то, чтобы не долго мучили...»

Последняя запись в Тобольске:

«Как тяжело и скучно».

У Летехина нашли также стекла волшебного фонаря, оловянные пушки, лошадок царевича и его оловянных солдатиков...

Теперь цесаревичу Алексею Николаевичу было бы 26 лет.